

Галина Куликова

Каникулы для взрослых

Хороший муж – это как вышивка
ручной работы: исколотые пальцы,
много времени и бездна терпения

Галина Куликова

Каникулы для взрослых

«ЭКСМО»

2011

Куликова Г. М.

Каникулы для взрослых / Г. М. Куликова — «Эксмо», 2011

ISBN 978-5-699-49155-1

Ярослав Карпухин – руководитель нового стиля: он знает, что от микроклимата в коллективе зависит успех дела. И поэтому решает, что каникулы для сотрудников с выездом в Мюнхен – самое что ни на есть благое дело. Думал ли он, что на отдыхе в команде начнутся массовые шуры-муры? Они – свидетельство того, что фирма стоит на пороге потрясений! Рано или поздно романы закончатся, какой-нибудь из них закончится неудачно, и тогда последуют увольнения по собственному желанию. Но только этого и надо темноокой Диане, супруге прекрасного босса!

ISBN 978-5-699-49155-1

© Куликова Г. М., 2011

© Эксмо, 2011

Галина Куликова

Каникулы для взрослых

– Тоска – это спутница лени. А лень приводит к преждевременной старости. Не будете тосковать, доживете до моих лет, – заявила старая леди и с усмешкой посмотрела на Карпухина, отхлебнув крошечный глоток чая.

Глаза у нее были умными, как у дьяволицы. Карпухин, если честно, ее побаивался. Несмотря на весь свой профессиональный опыт и светский лоск, ему все время казалось, что он совершает одну ошибку за другой и баронесса в душе над ним посмеивается.

– У меня нет возможности тосковать! – воскликнул Ярослав. – Каждый мой день так туго набит делами, что едва остается время на сон.

Он пытался подольститься к собеседнице и в душе на чем свет стоит ругал Варвару Тучину, которая отправилась в оперу и отключила мобильный телефон. Именно Варвара была «прикреплена» к баронессе, это был ее крест, и вообще... С какой стати он должен отдуваться за своих подчиненных?!

Баронесса была богатая и влиятельная. Правда, слегка сумасбродная. Лет десять назад эта железная старуха основала благотворительный фонд и теперь разъезжала по всему миру, проверяя, на что расходуются деньги. Еще она с охотой принимала участие в политических саммитах, разного рода конгрессах и гуманитарных акциях. В первый раз в качестве сопровождающих к ней официально прикрепили студентов языкового вуза. Но они показались ей слишком шумными.

С тех пор, приезжая в Москву, баронесса обращалась исключительно в «Группу Карпухина» – фирму с солидной репутацией, которая предоставляла услуги переводчиков. Варвара Тучина определенно пришлась ей по душе, и баронесса всегда просила, чтобы в аэропорту ее ждала именно эта «милая девушка». Но поскольку на сей раз старушенция явилась неожиданно, Карпухин вынужден был сам исполнять обязанности встречающего.

Баронесса расквартировалась в дорогом отеле и, сдав свои чемоданы коридорному, потребовала, чтобы Карпухин выпил с ней чаю. Судя по отчетам Варвары Тучиной, это было что-то вроде ритуального действия, старая леди пила чай с утра до вечера, придираясь к каждой мелочи и доводя до отчаяния столичных официантов.

Хозяйским жестом взяв Ярослава под руку, клиентка потащила его в отельный ресторан. Принаравливаясь к ее бисерным шажкам, тот с усмешкой подумал, что они вдвоем смотрятся как сенбернар и чихуахуа. Еще бы: в нем почти два метра росту, а в ней – метр с кепкой. Швейцар распахнул дверь перед забавной парочкой и почтительно отступил.

Они очутились в мире хрусталя, тусклого золота и глубоких зеркал. Мебель была массивной, люстры многоярусными, на тяжелые портьеры ушло ткани больше, чем на паруса. Зато белоснежные скатерти были столь воздушны, что, казалось, держались на одной вышивке. Благодаря огромному пространству голоса посетителей звучали приглушенно – тишину, вероятно, тоже включали в счет. Баронесса выбрала столик в центре зала и с видом брезгливой кошки уселась на самое удобное место. Ярослав терпеть не мог чай и заказал себе чашку эспresso, хотя и опасался, что Элен Хупер – так звали баронессу – пригвоздит его к стулу вилочкой для пирожных.

Однако баронесса неожиданно подалась в сторону Карпухина и игриво ткнула его кулаком в бок:

– Вы пьете кофе, да? Любите возбуждающие напитки?

От этого тычка, а еще больше от неожиданности, тот чуть не свалился со стула. В глазах у старухи прыгали чертики, которые показались ему отвратительно наглыми.

Вероятно, Элен Хупер доставляло удовольствие приводить Карпухина в замешательство. Еще бы! Высокий, красивый русский богатырь в английском костюме и итальянских ботинках – такая привлекательная мишень. Ей нравилось проделывать бреши в его респектабельной независимости.

– Возбуждающие напитки проясняют ум, – выдавил из себя богатырь.

– Вы высоко цените ум, верно? – Блеклые старухины глаза на миг сверкнули веселой колючей голубизной.

– И душевную красоту, – зачем-то сказал Карпухин.

Вообще-то он не был таким уж пафосным идиотом, но день выдался чудовищно тяжелым, и Ярослав больше всего на свете хотел очутиться в постели.

– Жаль, что у душевной красоты, как правило, небогатые поклонники, – заявила Элен Хупер и беззвучно опустила чашку на блюдце. – Так что женщинам невыгодно быть умными и некрасивыми.

– Ну это уж как бог даст, – с таким обреченным видом ответил Карпухин, как будто сам был некрасивой женщиной.

Баронесса фыркнула:

– Бог бывает иногда удивительно жадным. Однако я в молодости была настоящей красоткой. Вы бы, мой друг, точно не устояли!

Достойный ответ зародился у Карпухина в голове, но, вероятно, застрял где-то между правым и левым полушариями мозга. Поэтому он открыл рот и ничего не сказал. Старуха между тем явно получала удовольствие от того, что он впал в ступор.

– Ну, я отправляюсь спать, а вы не забудьте сообщить милой Варе о том, что я ее жду завтра в восемь.

Проводив баронессу до лифта, Карпухин вывалился из массивных дверей отеля на мороз, на ходу застегивая дубленку. Из рта у него повалил пар, а над верхней губой появились маленькие искристые усы. Вечерняя Москва лежала в круглых пуховых сугробах, свет фонарей заливал снег густой персиковой глазурью. По раскатанному шоссе медленно ехали автомобили, украшенные одинаковыми снежными шапками – как будто бесконечный караван двигался по белой пустыне. Карпухин с тревогой отыскал глазами свою машину, которая тоже начала превращаться в сугроб. Чертыхаясь, Ярослав обмахнул стекла припасенным в багажнике веником, потом полез за руль и торопливо повернул ключ в замке зажигания. Включил обогрев и достал из кармана мобильный телефон. Во что бы то ни стало он желал дозвониться до Варвары Тучиной, чтобы сдать ей баронессу с рук на руки.

* * *

Через величественные двери концертного зала в холл медленно вытекала публика. В оперу все еще ходили нарядными, и бархатно-кашемировая толпа, отливающая галстучным шелком, издали казалась удивительно красивой. Варя стояла на самом верху лестницы в соблазнительном платье и изо всех сил сдерживала слезы. Чтобы не расплакаться, она попыталась разозлиться. Стала свирепо раздувать ноздри и шумно дышать. К счастью, на нее никто не обращал внимания.

Включив мобильный телефон и проигнорировав пять неотвеченных вызовов босса, она торопливо набрала номер старшей сестры.

– Ну, как там у тебя? – спросила Нателла с такой интонацией, словно заранее знала – как. Впрочем, она действительно знала. Вернее, предвидела.

– Уже антракт, а он все еще не пришел, – ответила Варя.

– Вот гад.

У Нателлы был хриплый голос, командирский тон и бойцовский характер. Все качества лидера, которыми обладали родители, аккумулировал первый ребенок в семье. Варваре не досталось ничего полезного. Зато ей перепали миндалевидные глаза матери и русые кудри отца, и Нателла постоянно тыкала ей в нос этими дивными дарами. «Вон какая прима-балерина получилась, – сердито говорила она, – вся красота тебе одной обломила. Где справедливость?»

– Не представляю, что могло с ним случиться, – кусая губы, продолжала Варя. – Вдруг все ужасно плохо?

– Ужасно плохо быть просто не может, – рассудительно ответила Нателла. – Владик решил поговорить с женой и признаться, наконец, что любит тебя. А ее уже разлюбил. И это хорошо в любом случае. Сколько можно страдать от неопределенности?

– Почему же он тогда не пришел? – Варя начала спускаться вниз по лестнице, ведущей в холл, и обшаривать взглядом толпу.

– Наверное, разговор получился длинным. – Нателла помолчала и с раздражением добавила: – Да и не собирался он приходить! Если бы собирался, то не стал бы забирать свой билет. Он знал, что с одним билетом ты не станешь мерзнуть на морозе и спокойно отправишься внутрь.

– Ты опять на него нападаешь! Может быть, он в ужасном состоянии мечется по городу... А может быть... Может быть, жена вообще его убила!

– Вряд ли. Убить твоего Владика не сможет даже метеорит – уж слишком он изворотлив.

– Ты его совершенно не знаешь, – звенящим голосом сказала Варя.

– Там и узнавать нечего, – отрезала Нателла. – Красивая морда и гора самомнения. Я бы с таким мужчиной даже в оперу не пошла, не то чтобы замуж за него идти.

– Что значит – замуж? Он все еще женат.

– Вот-вот. Знаешь, женатые мужчины удивительно постоянны – они ни за что не хотят разводиться.

– Некоторые очень даже разводятся. И вообще... Я звоню для того, чтобы ты меня успокоила и ободрила, а ты!

– А я и ободряю. Наверняка твой любимый явится после спектакля и скажет, что не смог поговорить с женой, потому что та заболела свинкой. Он специально тянет! Надеется, что опера настроит тебя на лирический лад. Ты снова его простишь и повезешь к себе домой кормить куриными ножками.

– Нателла, ты такая злая!

– Зато честная. Зачем тебе моя доброта? Доброта – это маслице, которым сдабривают всякие враки. А тебе сейчас враки меньше всего нужны. Тебе нужно мужество. Ты ведь пообещала, что бросишь его, если он сегодня же не поговорит с женой?

– Пообещала.

– Так выполни свое обещание! Брось его к чертовой матери. Он отнял у тебя два прекрасных года жизни. Если бы у меня кто-то попытался отнять мои лучшие годы, я бы его сразу послала.

– Не всем хорошие мужья достаются готовенькими, как некоторым.

– Варвара, не будь ребенком. Мне достался просто хороший парень. А хороший муж – это как вышивка ручной работы: исколотые пальцы, много времени и бездна терпения. И вообще – зависть здесь неуместна. У всех разные вкусы. Вот тебе нравится Владик, а по мне...

– Нателла!

– Ладно, молчу. Но я тебя хоть немножко успокоила?

– Успокоила, – ответила Варя.

– Варька, не будь размазней! Ненавижу, когда ты впадаешь в состояние прострации и начинаешь заводить глаза, вместо того чтобы принимать судьбоносные решения.

В этот момент прозвучала мелодичная трель.

– Уже первый звонок, – спохватилась Варя. – Я тебе потом перезвоню.

Она открыла сумочку, чтобы убрать телефон в кармашек, но поскольку сумочка была набита битком, с ней оказалось трудно совладать. Сверху лежали длинные шерстяные перчатки, которые Варя побоялась оставить в кармане пальто. Одна перчатка упала и спланировала прямо на ступеньки лестницы.

В этот момент вверх поднималась красивая пара – высокий и довольно мускулистый молодой человек и хрупкая девушка, окутанная облаком светлых волос. Заметив упавшую перчатку, молодой человек наклонился и ловко подхватил ее с пола. Его спутница прошла вперед, а он со скупой улыбкой подал упавшую вещь хозяйке.

– Ой, спасибо! – сказала Варя растерянно.

– Пожалуйста-пожалуйста, – ободрил ее молодой человек. – Роняйте на здоровье.

– Вы очень любезны, – она почувствовала, как порозовели ее щеки.

– Я бы поцеловал вам руку, но, боюсь, вы огреете меня сумочкой по голове. Современные женщины разучились отличать галантность от нахальства.

Молодой человек широко улыбнулся и побежал за своей девушкой, легко перескакивая через ступеньки. Варя проводила его глазами и медленно выдохнула. Наваждение какое-то! С каких это пор ее так впечатляют симпатичные незнакомцы? Тем более такие, у которых есть свои прелестные незнакомки? Что поделаешь, закон природы: деньги к деньгам, удача к удаче, красота к красоте!

А вот ей почему-то выпал несчастливый билет – она влюбилась в женатого мужчину и теперь не знает, как узаконить свое счастье. В личной жизни она полная неудачница. И так было с самого детства. Стоило ей положить глаз на какого-нибудь мальчишку-одноклассника, как его либо переводили в другую школу, либо он немедленно терял голову от лучшей Вариной подруги. Первый серьезный роман закончился отъездом потенциального жениха за границу. Он уехал один на целых три года работать по контракту и не попросил Варю отправиться с ним.

Она очень долго справлялась с разочарованием, а потом встретила Владика и пропала. Он был такой пылкий, такой яркий, такой романтичный! Он и сейчас оставался таким же, но Варе по-прежнему не принадлежал. Ей же хотелось абсолютного счастья, и при этом своего собственного. А не сладкого кусочка, который удалось урвать с чужого стола.

Из оперы она уходила одна. Варе казалось, будто ее душу промыли чистой водой – так подействовала на нее музыка. Она чувствовала себя обновленной, готовой к чему-то прекрасному. В сердце вновь робко вспыхнула надежда. «Я не могу бросить Владика, – поняла она. – Он сейчас самый близкий мне человек. Как можно своими руками расправиться с отношениями? Пусть эти отношения трудные и приносят много огорчений... Но ведь они приносят и радость тоже!»

Решив так, она испытала облегчение. Никогда не стоит рубить сплеча. Нателла неправа, она всех мерит на свой аршин, но ведь счастье у каждого свое.

Варя вышла из дверей концертного зала одной из последних, закутытаясь на ходу в шарф. Прямо напротив входа, ровно урча, стояла знакомая машина, похожая на гладкого черного дельфина. Возле машины топтался Ярослав Карпухин собственной персоной. Варя сразу же вспомнила про его телефонные звонки, но раскаяния не почувствовала. Не может же он запретить ей влюбляться и ходить в концертные залы!

В распоряжении Ярослава Карпухина имелось десять душ переводчиков – молодых, талантливых, перспективных. Он жалел, что души не крепостные и в любой момент могут расторгнуть контракт с его фирмой. Поэтому прилагал немало усилий, для того чтобы привязать их к себе. Каждый имел солидную зарплату, медицинскую страховку и множество всяких льгот и бонусов, о которых иные служащие могут только мечтать. Однако в обмен на это требовал полной самоотдачи и беспрекословного подчинения.

Чтобы окончательно не замерзнуть, Карпухин принялся подскакивать на месте, а потом несколько раз проехался по длинному мазку черного и крепкого льда, раскатанного мальчишками. А когда заметил Варю, повернулся к ней лицом и принял самый грозный вид, на который только был способен. К слову сказать, его грозности никто никогда не боялся. Боялись холодности и отстраненности, она была самой страшной карой за прегрешения.

– Госпожа Тучина, какого лешего вы отключили телефон?! – воскликнул Ярослав, как только Варвара подбежала к нему.

– Но ведь спектакль! – задыхаясь, оправдалась она, по-дирижерски взмахнув руками.

– Ты должна быть на связи всегда, как Джеймс Бонд, понятно?

– У меня личные обстоятельства.

Карпухин окинул ее мужским оценивающим взглядом.

– Обстоятельства всегда сильнее того, кто считает себя слабым. Если ты оказалась в зоне атомного взрыва, то это – личные обстоятельства. А любовные страдания я в расчет не принимаю. И вникать в тонкости твоей интимной жизни не хочу и не обязан. Соберись, пожалуйста.

– Но это просто нечестно!

– Нечестно заставлять меня мотаться по аэропортам. Все-таки у меня немножко другие функции, ты не находишь?

– А что ты делал в аэропорту? – заинтересовалась Варя.

– Встречал твою любимую баронессу.

– Вот тебе и раз! Ведь не предупреждала.

– Не представляю, как тебе удастся с ней ладить. По мне, так она настоящая ведьма.

– Ведьма?! Ну ты даешь. По-моему, она очаровательная.

– Не знаю, не знаю, – проворчал Карпухин. – Может быть, в девичестве она и была очаровательной. Но с возрастом ее девичье очарование как-то незаметно превратилось в женское коварство. Короче говоря, завтра в восемь заберешь ее из отеля.

Он достал из кармана свернутую пополам распечатку с распорядком дня и подал Варе.

– Это все? – спросила она.

– Все.

– А чего ты приезжал-то? Мог бы и по телефону...

– Так ты, Тучина, к телефону не подходишь, – сварливым голосом ответил Ярослав. – Вот же женские мозги... Садись, я тебя подвезу.

– Ой нет, не надо, – поспешно ответила Варя. – Я сама!

– Уверена? Как-то неловко оставлять девушку вечером одну на морозе.

– Да за мной сейчас Владик придет, вот-вот будет здесь.

– Ну гляди. Ладно, удачи тебе с баронессой. Пока!

Он махнул рукой в толстой перчатке и, не попрощавшись, ринулся к машине. Вероятно, не пристегнулся ремнем безопасности, потому что машина почти сразу же тронулась с места и круто забрала влево, втискиваясь в плотный поток. Из-под колес брызнули фонтанчики снега. Еще удерживая глазами задние огни, Варя уже думала о том, что надо сейчас же мчаться к Владiku домой и узнать, что с ним случилось. То, что он не пришел, можно объяснить миллионом причин. Но вот отключенный телефон – это просто гвоздь в сердце. В конце концов, можно ведь позвонить с городского, из какого-нибудь бара, от друзей...

Варя посмотрела на часы – начало десятого. Ехать всего две троллейбусные остановки. Она знала дом Владика и окна квартиры с темно-вишневыми занавесками. Занавески почти всегда бывали задернуты, как будто хозяева вовсе не любили солнечного света. Варя однажды спросила Владика про эти занавески, и он ответил что-то в том смысле, что его жена невероятно чувствительна. Эта чувствительность почему-то больно Варю задела. Ей хотелось бы знать, что с женой у Владика давно все кончено и он к ней ничего уже не испытывает и не считает ее какой-то особенной.

Не успела Варя сделать нескольких шагов, как повалил снег – густой, ватный, пышный. Хлопья летели в лицо и оставляли на щеках и на лбу мокрые поцелуи. Тут же налетел ветер и швырнул в лицо целую охапку снежинок. Подняв шарф повыше, девушка подбежала к кромке тротуара и замахала руками, призывая попутку. Ее тотчас подобрал интеллигентный дедок на стареньком «Форде». В машине было тепло и душно, звучала старая и уютная джазовая мелодия, мягко шелестели шины.

«Господи, зачем я туда еду? – думала Варя, наблюдая за тем, как дворники носятся по ветровому стеклу. Казалось, что от их суеты снежная круговерть только усиливается. – Я даже не смогу узнать, дома Владик или нет. Если только он не стоит возле окна и не смотрит во двор».

Попросив шофера подождать ее, она выбралась из машины, очутившись в белом плену снегопада. У окна никто не стоял. Минут пять она глядела вверх, шурясь от снега и гипнотизируя взглядом темно-вишневые занавески. Сквозь них пробивался свет круглого торшера, как будто внутри имелось собственное маленькое домашнее солнце. В какой-то миг Варя вдруг рванула к подъезду, решив подняться наверх и позвонить в дверь, но тут же представила встречу лицом к лицу с Владиковой женой и испугалась почти до обморока. И бросилась обратно к машине.

Дома она быстро разделась, расшвыряв вещи с такой силой, будто они были в чем-то виноваты, откинула одеяло, погасила свет и упала на кровать лицом вниз. Новое платье осталось сиротливо висеть на углу кресла, безжизненное и помятое. Полночи Варя вертелась, словно лежала на муравейнике. Шустрые мысли выползали одна за другой, и каждая была подлой и приставучей. «Я прощу Владика, только если с ним случилось что-то ужасное, – решила Варя. – Если он при смерти или если его жена напилась снотворного. А если нет, то ни за что не прощу!»

Так она и уснула, кипя негодованием и пытаясь справиться с горькой обидой.

* * *

В восемь утра она уже стояла в холле гостиницы – собранная, деловитая, но с припухшими глазами. Баронесса встретила Варю, как любимую племянницу, и от избытка чувств даже потрясла ее за руку.

– Что-то вы нынче такая грустная? – обеспокоилась баронесса, семеня за Варей к выходу.

– Наверное, из-за пробок на дорогах, – ответила та, немедленно разгладив морщинки на лбу.

Хорошо, что Карпухин этого не слышал. Встретив очередную кислую физиономию в коридоре офиса, он всегда говорил одно и то же: «Плохое настроение бывает только у непрофессионалов». И ведь он прав! Варя приказала себе забыть о собственных горестях и сосредоточиться на работе. Она побывала с Элен Хупер на переговорах, потом отвезла ее на международную конференцию по защите прав женщин и только после этого отправилась в контору.

Офис находился в центре города. Босс считал это чрезвычайно важным для поддержания реноме и не скупился на расходы. Даже табличка перед входом была первоклассная, что уж говорить о двери, которая демонстрировала свободный полет дизайнерской мысли и высокое мастерство плотников. «Если Ружейников будет первым, кого я сегодня встречу, то у меня все будет плохо», – загадала Варя, перешагнув порог и очутившись в небольшом холле. Разумеется, загадывала она на Владика, который не звонил и не присылал сообщений и вообще как будто в воду канул.

Тотчас же дальняя дверь отворилась и, словно по заказу, в холле появился Ружейников собственной персоной. Это был пучеглазый рыжий тип с курчавой бородкой и влажными губами, который постоянно доводил Варю до бешенства своими шуточками и подколами.

Самый противный среди коллег и самый, чего уж греха таить, талантливый. Варя восхищалась его мастерством и ненавидела его наглую физиономию.

– Вот и Тучина! – воскликнул он радостно. – Какая вся грозная... И глаза горят, как у собаки Баскервильей. Злость, Тучина, идет только красивым женщинам. А тебе надо чаще улыбаться, имей в виду.

– И тебе добрый день. А теперь отстань, – ответила Варя и попыталась гордо пройти мимо.

Не тут-то было. Ружейников вовсе не собирался отставать и увязался следом. Варя двинулась по коридору к своему рабочему месту, изо всех сил стараясь не торопиться. Шакалам не показывают своего страха.

Навстречу как раз шел Эдик Тавлай, встрепанный, небритый и весь помятый.

– Эдик, ты чего? – удивилась Варя, поймав его тухлый взгляд. – С тобой все в порядке?

– Ну... Практически, – ответил Эдик, криво ухмыльнулся и икнул.

– Ого, это чем же ты решил подмочить свою репутацию, коньяком? Смотри, не попадайся на глаза боссу.

– Да, Эдик, не попадайся, – подхватил притаившийся сзади Ружейников. – А для верности Тучина может тебя под столом спрятать. Она все равно целыми днями где-то шляется, ее место абсолютно свободно! Это мы сидим тут запертые, словно бурундучки в зооуголке.

Из-за того, что он шепелявил, его шуточки звучали как-то особенно гнусно.

– Я очень хочу пить, – сообщил Эдик, явно не старавшийся вникнуть в слова своих коллег. – Вероятно, у меня жар.

– Иди на свое место, – посоветовала Варя. – Я тебе сейчас минералки принесу, у меня есть как раз такая, которая тебе нужна. Сильногазированная.

– Бьет в нос, как тучинские духи, – подхватил Ружейников и помахал перед своим носом ручкой.

Варя сегодня действительно переборщила с духами, но не настолько, чтобы какой-то болван корчил перед ней рожи. Введенная, словно курок, она ворвалась в комнату, где, кроме ее собственного, стояли еще два рабочих стола. Один был пуст, за вторым сидел, уткнувшись носом в бумаги, Макс Юргунов.

– Привет! – бросила Варя, устремляясь к шкафчику, в котором стояла всякая хозяйственная утварь и хранились запасы минералки.

Юргунов пробурчал в ответ нечто неразборчивое. Будь он членом воровской шайки, ему наверняка дали бы кличку Угрюмый. Лохматые брови и густые черные усы придавали его облику особую мрачность. Более нахальная девушка могла бы запросто подтягивать в кабинете чулки и освежать подмышки – Макс ни на что не обращал внимания.

Схватив бутылку минералки, Варя ринулась обратно в коридор, и Ружейникову, который топтался поблизости, едва не достался хороший удар дверью по лбу. Он обозлился и, скрипнув зубами, удалился к себе. Напоив страждущего Эдика, Варя вернулась в кабинет и достала папку с бумагами. Посмотрела на часы. Одно задание вполне можно было успеть выполнить. Она включила компьютер, создала новый файл, выбрала удобный шрифт и даже напечатала вводную фразу, но потом все же не выдержала и достала мобильный телефон.

Экран имел привычный вид. Ни одного нового сообщения, выделенного красным, ни единого пропущенного звонка! Может быть, жена действительно прикончила Владика и именно сейчас вывозит его труп на дачу, чтобы спрятать до весны в сугробе возле сарая? Что же делать?

Утром она звонила Нателле – посоветоваться! – но та вместо совета дала ей по мозгам и велела удалить номер телефона Владика из списка контактов. А соответствующую страничку в записной книжке залить сургучом или спалить в пепельнице, распевая ритуальные песни.

Варя не стала объяснять, что все бессмысленно – номер телефона Владика отпечатался в ее памяти навечно.

Она перевела почти весь текст, когда в кабинет всунулась голова секретарши Муси и сообщила:

– Варвара, к боссу!

Варя тотчас встала и одернула пиджачок. Вероятно, Карпухин надумал поручить ей какое-нибудь срочное дело, но дела ее сейчас мало волновали. Шагая по коридору, она думала исключительно о Владике. И когда вошла в кабинет, оторопело остановилась на пороге. Карпухин стоял возле окна, заслоняя его почти целиком – Варя постоянно удивлялась, как можно быть таким огромным и одновременно элегантным. Кроме него здесь находились еще три человека: его жена Диана, его заместитель Глеб Лаленко и все тот же противный Ружейников.

– Здравсьте, – сказала Варя растерянно.

Карпухин и Ружейников промолчали, а Глеб, которого в конторе называли младшим боссом, ответил:

– Здравствуй, коли не шутишь.

Диана закинула ногу на ногу и тоже поздоровалась:

– Привет!

Она устроилась за рабочим столом мужа, хотя никакого отношения к «группе Карпухина» не имела, а руководила собственным туристическим агентством. При взгляде на нее Варя тут же втянула живот. Жена Ярослава на всех женщин производила одинаковое впечатление – им хотелось немедленно похудеть, сходить в салон красоты и купить новое платье. Диана могла бы составить счастье любого зрячего мужчины. Как только она родилась, в ее книжке поставили «зачет» и отпустили наслаждаться жизнью. Смуглая, темноокая, гибкая, в свои тридцать лет она спокойно могла бы выйти на подиум и уложить всех имеющихся в наличии «мисс» одним взмахом ресниц. Даже ее первые морщинки вызывали зависть. При всем том она была умна и удивительно рассудительна.

– Варвара, – заявил Карпухин деловито. – Я хочу сообщить тебе одну новость. Вернее, это не новость. Это мое решение.

– Мы обанкротились? Или меня увольняют? – спросила Варя, которую обстановка в кабинете сразу насторожила.

– За что тебя увольнять, глупая? Наоборот! – ответил за всех Глеб Лаленко.

Глеб был больше похож на спецназовца, чем на переводчика, и это постоянно ставило клиентов в тупик. Среднего роста, выбритый почти наголо, с литым телом и крепкими ручищами, он ходил по офису с видом сытого хищника и больше всего напоминал одиночку из какого-нибудь боевика. У него был чарующе мягкий голос и глаза леопарда. Варя подозревала, что он легко покоряет женщин, но в офисе Глеб вел себя подчеркнуто корректно. Однажды Муся попыталась было пофлиртовать с ним, но он обдал ее таким холодом, что она до сих пор стекленела в его присутствии.

– Что значит – наоборот? – удивилась Варя.

Ее беспокоило присутствие Дианы и настроение Ружейникова, который выглядел расстроенным. Первая пришедшая ей в голову мысль касалась жены босса. Наверное, Диана собирается возглавить какой-нибудь филиал, а Варю и Ружейникова отдадут под ее начало.

Однако через минуту стало ясно, что она ошиблась.

– Давайте я ей все сам объясню, а то вы ее только пугаете, – сказал Карпухин. – Варя, по итогам года вы с Ружейниковым признаны нашими лучшими сотрудниками. Мы решили вас поощрить. Диана по моей просьбе приготовила для вас сюрприз. Вы с Валерой после Нового года на две недели отправляетесь в путешествие.

– С Ружейниковым?! – с таким ужасом спросила Варя, словно ее собирались скормить паукам-людоедам.

– Остров Борнео, – не слушая ее, продолжал воодушевленный Карпухин. – Праздник Нефритового Императора, гребля на каноэ, спуск в пещеры! На завтрак – рис, сваренный в кокосовом молоке, с огурцами, анчоусами и арахисом...

– А на ужин – веселый понос, – тут же добавил Ружейников.

Босс, хвалебную песнь которого прервали на самой высокой ноте, посмотрел на него с неудовольствием.

– Но почему мы вдвоем?! – возмутилась Варя. – Мы же не муж и жена!

– И даже не брат и сестра, – поддержал ее Ружейников.

Стало ясно, отчего он такой вздрюченный. Все знали, что Валера обожает путешествовать. Вероятно, его раздирали противоречивые чувства. С одной стороны, ему страстно хотелось отправиться в бесплатный вояж, с другой стороны, Варвара Тучина в качестве партнерши совершенно его не устраивала.

– Кроме того, я уже говорил, что планирую в ближайшем будущем поручить вам двоим перевод одной очень важной книги, – продолжал Карпухин как ни в чем не бывало. – И если вы думаете, что я просто разделю между вами главы, а потом механически соединю их и поставлю логотип фирмы, вы ошибаетесь. Это будет долгая, напряженная и творческая работа, и мне важно, чтобы вы друг с другом ладили.

У Вари вытянулось лицо.

– Звучит двусмысленно, – сказал Глеб Лаленко и неожиданно расхохотался.

Он так редко смеялся на службе, что Варя растерялась окончательно. Потом в ее голове внезапно всплыл образ Владика. Владика, из-за которого она уже сто раз поступилась своей гордостью, которого она рассчитывала присвоить любой ценой. Именно сейчас, когда решалась ее судьба, на целых две недели уехать из Москвы...

– Я не поеду, – твердо произнесла она.

По выражению ее лица Ружейников сразу понял, что она не шутит и не ломается. Что она действительно не поедет. Он принял ее отказ на свой счет, и его глаза налились тягучей злобой, а лицо – багровой густотой.

– Да я бы с тобой даже в один самолет не сел, – процедил он, уверенный, что Варя собирается сказать какую-нибудь гадость в его адрес. И решил нанести упреждающий удар. – Только дурак станет с тобой связываться. Потому что ты неудачница! Кроме работы, у тебя ничего нет. Ты пустышка, пшик! Ты даже мужика себе найти не можешь, несмотря на потуги. Распустит свои космы и думает, что она неотразима...

– Валера, немедленно заткнись! – рявкнул Карпухин.

Однако Ружейникова, вошедшего в раж, остановить было нелегко:

– Думаешь, никто не видит, какая ты жалкая?! Да над тобой все смеются. Нашла себе женатого, так даже отбить его не можешь, зубы обломала!

Диана тихонько ахнула. Вероятно, о страстях, бушевавших в «Группе Карпухина», она даже не подозревала. Глаза Ярослава между тем сверкнули нехорошим блеском, и он сделал шаг вперед, но Глеб его опередил. Протянул руку и схватил Ружейникова за шиворот.

Что было дальше, Варя не узнала. Потому что в этот самый момент в кармане ее пиджака завибрировал мобильный телефон. Телефон был маленьким и холодным – она сжала его изо всех сил. «Вдруг это Владик?» – пронеслось в ее голове. К горлу от сдерживаемого волнения подступила тошнота. Варя почувствовала, как кровь отхлынула от щек.

– Не надо, Глеб! – пролепетала она, испугавшись, что сейчас между мужчинами завяжется драка. На самом деле ей было глубоко плевать на Ружейникова и на его выпады.

Впрочем, никто этого так и не понял, потому что, пробормотав: «Извините, извините меня!», Варя пулей вылетела из кабинета. Глеб этому обстоятельству только обрадовался, потому что теперь никто не мог помешать ему вытрясти из Ружейникова душу. Насколько он знал, жена Карпухина особой чувствительностью не отличалась – вряд ли она станет повизги-

вать и закатывать глаза. Поэтому, недолго думая, он еще крепче схватил свою жертву и одним рывком притиснул к стене.

Однако Ружейников не собирался сдаваться. Взъерошенный, с малиновыми щеками, он неожиданно взмахнул руками, удачно вывернулся и бросился вон из кабинета.

– Не догоняй его, – приказал Ярослав, на скулах которого ходили желваки. – Я с ним потом сам разберусь. Ну, ты мне можешь это объяснить? Что это такое?

– Это? Межличностные отношения, – ответил Глеб, демонстративно отряхнув руки. – Ничего необычного, как мне кажется. Во всех коллективах такое происходит.

– Не во всех, – подала голос Диана. – У меня в турагентстве тишь да гладь да божья благодать. Никакой скрытой агрессии, только мелкая зависть. – Она достала из сумочки электронную сигарету и закурила, выпуская в воздух короткие облачка пара, которые рассеивались прямо на глазах.

– Придется реагировать. – Ярослав потер переносицу. Он всегда так делал, когда попадал в затруднительное положение. Глеб помнил этот жест еще по школе.

Лаленко и Карпухин учились в параллельных классах, играли в одной футбольной команде, вместе организовали рок-группу со свирепым названием «Черные псы» и даже ухаживали за девочками-близняшками. К счастью, дальше ухаживания дело не пошло, потому что, положив руку на сердце, близняшки были так себе.

– Как ты собираешься реагировать? – поинтересовался Глеб с некоторым раздражением.

Он искоса посмотрел на Диану, которая сидела, положив ногу на ногу, с задумчивым видом. Стрижка каре, темно-розовая помада на смуглом лице, часики в стиле ретро, узкие брючки и блузка с треугольным вырезом. Она словно вынырнула из пятидесятых, сошла с обложки старого журнала, чтобы заставить мир затаить дыхание. Заметив его взгляд, Диана чуть заметно улыбнулась. Глеб тотчас отвел глаза.

– Надо что-то придумать, – между тем рассуждал Ярослав вслух. – Как-то примирить их. Полагаю, тут нужна железная рука. Отбросить сантименты и сосредоточиться только на деле. Они должны вместе взяться за перевод книги, я ведь говорил? И если они не хотят сотрудничать по-хорошему, придется вмешаться мне.

– Что ты имеешь в виду? – спросил Глеб, хмурясь.

– Я имею в виду, что поеду в путешествие вместе с ними. Буду выполнять роль буфера. В моем присутствии им придется держать себя в руках. И так, мало-помалу... За две-то недели!

– Мне эта идея не нравится, – заявила Диана, покачав головой.

– Солнце мое, но ведь ты с подругами, если мне не изменяет память, отправляешься в вояж за шмотками, – бросил Ярослав. – Так какая тебе разница, уеду я или останусь?

– Шмотки отменяются, – ответила Диана. – У девчонок изменились планы. Получается, я после Нового года останусь тут одна?! Нет уж, не хочу отпускать тебя ни в какой тропический рай.

– Диана, но это работа! – возразил Ярослав, неожиданно рассердившись. – Мы договаривались, что бизнес не обсуждаем и к бизнесу не ревнуем, разве не так?

– Для того чтобы помирить двух сотрудников, не обязательно отправляться на край света! – запальчиво возразила Диана.

– У меня есть идея, – неожиданно вмешался Глеб. – Надо кардинально изменить планы. На те же деньги ты можешь отправить весь коллектив куда-нибудь поближе, чем тропический рай. Если поедут все, Валера и Варвара не смогут собачиться в окружении коллег и под пристальным надзором начальства.

– Смогут, – уверенно возразил Ярослав. – Мы же не станем водить их за ручку, как детсадовцев! И вообще... Куда я десятерых взрослых людей повезу?

– В Мюнхен! – внезапно подскочила на своем месте Диана. – У меня с Мюнхеном все отработано до винтика и гаечки. И скидки сумасшедшие! Слушайте, ребята, это отличная идея.

Я сейчас все просчитаю и скажу, во что обойдется такой вояж. Мне кажется, Ярик, ты уложишься в намеченный бюджет.

– И ни у кого не возникнет зависти к двум счастливицам, получившим поощрительный приз, – добавил Глеб. – Остальные, знаешь ли, тоже неплохо поработали.

– Кроме того, я смогу поехать с тобой! – воскликнула Диана.

Ярослав беспомощно посмотрел сначала на нее, а потом на своего заместителя.

– И волки будут сыты, и овцы целы, – подбодрил его тот.

– Кажется, я сегодня выполняю роль овцы, – пробормотал Ярослав. – Вы вертите мною как хотите. Ладно, уговорили. Каникулы так каникулы.

* * *

Вылетев из кабинета босса, Варя достала из кармана телефон и увидела на дисплее знакомое имя.

– Да! – крикнула она в трубку.

Вернее, ей показалось, что крикнула. На самом деле – выдохнула.

Голос Владика зажурчал, как мартовский ручей – звонкий, солнечный.

– Варька, ты простила меня, что я вчера в оперу не пришел? – весело кричал Владик откуда-то с улицы: слышался шум машин, гудки и какое-то лязганье. – Я, знаешь, так замотался, что даже телефон забыл подзарядить.

Мир покачнулся, задрожал, а потом осыпался на Варю, словно рухнувший во время землетрясения дом. Так, значит, вчера ничего страшного не случилось! И Владик не пришел, потому... потому что не захотел! Каждый раз он ускользал от нее, словно мыльный пузырь – нарядный, радужный, но неуловимый. Владик между тем продолжал задорно кричать в трубку:

– Меня на работу вызвали, мы с прорабом почти до утра сидели, я весь прокуренный, как матрос. Когда ты меня понюхаешь, ты в обморок упадешь!

– Я не хочу больше тебя... нюхать, – сказала Варя помертвевшим голосом.

В одну секунду она вдруг прозрела. От неожиданного потрясения с нее словно слетели розовые очки. И она увидела все в обычном свете: и лживую изворотливость Владика, и собственную глупую наивность. Грандиозные планы, которые она строила, в этот миг показались ей такими беспомощными... Как могла она верить в то, что он ее любит? Любит по-настоящему? В то, что он хочет соединить с ней свою жизнь?! В действительности он ведь только и делал, что лавировал, избегая обещаний, ответственности, уклоняясь от разговоров о будущем. Он точно знал, что у них нет совместного будущего. Такого, о котором мечтала Варя. Чтобы все делить пополам, и делиться тем, что на душе, и верить друг другу, и ждать, и умирать от нежности... Боже мой, Ружейников прав – она пустышка, неудачница, все ее лучшие устремления не имеют ничего общего с реальностью. Она так и умрет одинокой или цепляющейся за штаны какого-нибудь смазливового негодяя, который вытрясет из нее всю душу, а потом еще потешится, наблюдая за ее агонией.

– Варь, я тебя не слышу! – сообщил Владик, в голосе которого не чувствовалось раскаяния. То есть вообще. Никакого.

– Ты поговорил с женой? – на всякий случай спросила Варя, понимая, что он не поговорил и наверняка даже не собирался.

– Лапочка, я же объясняю: у меня вчера выдался трудный день.

– Я пообещала тебя бросить, если ты не поговоришь.

Теперь у нее был странный мягкий тон. Но это была не та мягкость, что прежде. Прежнее ушло безвозвратно.

– Варь, ну что ты вцепилась в этот разговор! Жена и так знает, что я с кем-то встречаюсь, что у меня есть женщина на стороне, иначе стала бы она все это терпеть. Она не будет чинить

мне препятствий, вот увидишь. Почему тебе так хочется обязательно устроить бэмс? Ведь нам и так хорошо!

– Это тебе хорошо, – ответила Варя, входя в свой кабинет. – Знаешь, я не хочу быть женщиной на стороне или просто «кем-то», с кем ты встречаешься.

Она прошла к окну и остановилась, глядя на побелевший сквер. Когда налетал ветер, огромные ломти снега, облепившего кроны деревьев, отламывались и валялись вниз. Дворник, похожий на толстого оранжевого жука, задумчиво скреб лопатой дорожки. Мир был тем же самым и одновременно совершенно иным. В этом новом мире Варя снова была одинока. Разрыв с Владиком уже состоялся, хотя он до сих пор так этого и не понял, продолжая что-то говорить в трубку, произносить слова, сыпавшиеся из телефона, словно гнилые орехи.

– Варь, разве ты меня не любишь? – спросил он обиженно, по привычке пытаясь отыскать в душе Вари слабую струнку и подцепить ее. – Разве тебе со мной плохо?

– Не с тобой. Мне без тебя плохо, – ответила она, пытаясь совладать с голосом. – Было плохо. Но теперь будет хорошо.

– Ну что ты такое говоришь?

– Владик, я ведь предупреждала, что роль девушки на выходные меня не устраивает? – продолжала Варя. – Предупреждала. Так что обижаться тебе не на что. С этой минуты можешь считать себя свободным, как ветер! Понятно?! И не звони мне!

– Варь, перестань говорить глупости, – сердито сказал Владик.

– Господи, как я тебя ненавижу! – неожиданно выдохнула она. – Какой ты мелкий, подлый и гнусный! Как я только могла этого не замечать?!

– Варвара!!!

– Да катись ты!

Она дала отбой и засунула телефон в карман. Он был таким горячим, словно раскалился от ее гнева. Все! К черту! Она отделалась от этого гада. Она свободна! В ту же секунду ее охватило отчаяние. И свобода показалась ей ненавистной. Варя словно очутилась в комнате, из которой вывезли мебель и все вещи до единой, в пустой комнате без занавесок, тщательно вымытой дезинфицирующим раствором.

Телефон завибрировал, но Варя не обратила на это внимания. Подошла к столу и стала лихорадочно перебирать бумаги. Вернее, перекладывая с одного места на другое. Только когда на густо запечатанные страницы посыпались частые капли, она поняла, что плачет. Господи, как плохо было у нее на душе, как тяжело! К горлу подступил комок, и ей пришлось прикусить зубами кулак, чтобы не разреветься. Сквозь пелену слез она взглянула на Макса. Тот сосредоточенно писал в толстой тетради и что-то бурчал себе под нос. И все-таки давать себе волю при нем Варе не хотелось, поэтому она стремглав бросилась в туалет. Там метнулась к раковине, пустила воду и зарыдала.

Она жалела себя, жалела Владика, который так и не понял, какое счастье мог бы обрести, соединив с ней свою судьбу, жалела время, пущенное на ветер. Ведь она воображала, что создает свое будущее, а оказалось...

Она не знала, сколько проплакала, но внезапно дверь туалета распахнулась, и на пороге возник Глеб Лаленко.

– Варвара, на выход!

У него был непроницаемый вид.

– Эт-то женский ту-туалет, – пробормотала Варя. Она отлично видела себя в зеркале. Вид был ужасным, поэтому она попыталась спрятать лицо в промокший до нитки носовой платок.

– Карпухин велел напомнить тебе про баронессу.

– Блин! – воскликнула несчастная, позабыв про платок и вскинув к глазам руку с часами. – Слава богу, время еще есть.

– Да... – протянул Глеб. – Видок у тебя, Варвара, не для слабонервных.

– Что вы сделали с Ружейниковым? – спросила она, сочно хлюпнув носом, который раздулся до размеров брюквы.

– Ничего. Он, знаешь ли, успел скрыться с места преступления.

– Не надо его трогать, – попросила Варя.

– А что с ним делать, хороводы водить?

Глеб взял Варю за предплечье и вытащил в коридор. Потом, подталкивая, словно отбившуюся от стада овечку, погнал к своему кабинету.

Она хотела сказать, что рыжий свинтус тут совершенно ни при чем, но тогда пришлось бы объяснять, что ее так сильно расстроило. Глеб ни за что не отстанет. Он со своей недюжинной силищей чувствует себя защитником всех обиженных и угнетенных, и поэтому будет докапываться до правды, пока не узнает ее. И Ярослав тоже будет докапываться! Вот уж кто способен вытрясти из нее правду, так это босс. Нет, только не это! Она ни за что не признается в том, что потерпела любовное фиаско. Пусть лучше все думают, что она рыдала из-за Ружейникова.

Глеб привел Варю в свой кабинет и усадил на маленький диванчик.

– Вот что мы решили, Варвара, – сказал он. – Ярослав отлично понял, что его идея не сработает, и вы с Ружейниковым не станете закадычными друзьями, прогуливаясь по палубе корабля и разглядывая тропический берег в легкой дымке тумана.

– Это была плохая идея, – подтвердила Варя, представляя, в каком виде явится за баронессой.

– Мы вынуждены были признать, что силой вас не подружить. Поэтому программа меняется. Ярослав решил устроить праздник для всех. Три дня в Мюнхене сразу после Нового года. Гостиница с завтраком и ужином, комфортные номера, распродажи в магазинах – чем не новогодние каникулы для дружной команды переводчиков? Ружейникова, конечно, придется взять с собой, ты же понимаешь. Он, черт побери, звезда. В нашем деле точно.

– Если поедут все, я его как-нибудь вытерплю, – пообещала Варя с мученической улыбкой.

Мечта о Мюнхене вспыхнула, словно огонек в ночи. Как-нибудь пережить Новый год, а потом уехать в другую страну, в незнакомый город, подальше от горьких воспоминаний... С Владиком они познакомились как раз после Нового года... Если она останется в Москве, то просто умрет от жалости к себе. А если Владик еще будет звонить и вымаливать прощение... «А ведь он будет!» – подумала она, ощущая, как бьется в ее кармане телефон. Он звонил постоянно – беззвучный, как ее боль.

Глеб между тем прошелся по кабинету упругой походкой.

– Слушай, Варвара, – сказал он, – эту ситуацию надо как-то разрулить. Пока ты рыдала в туалете, я вызвал на допрос Мусю. Кроме вас двоих сегодня в офисе никого из девушек нет. Так что пришлось Мусе одной отдуваться.

Варя, перестав комкать платок, с тревогой посмотрела на младшего босса. Он снял пиджак, оставшись в рубашке с расстегнутым воротом. Под тонкой тканью перекачивались мускулы.

– А что ты спрашивал у Муси? – взволновалась она.

– Давно ли у вас с Ружейниковым конфликт и как далеко все зашло.

– Муся, разумеется, эксперт в этом вопросе. – В голосе Вари сквозила ирония.

– Ты ее плохо знаешь: она втягивает в себя информацию, как пылесос грязь.

Варя неожиданно почувствовала интерес к разговору:

– И что же она сказала?

– Сказала, что с вашей первой встречи Ружейников тебя невзлюбил и всячески третирует. Ты отбиваешься, но вяло. Муся констатирует полное отсутствие бойцовского духа.

– Глупости!

– Глупости или нет, но налицо межличностный конфликт. Никак не могу придумать, что делать с Ружейниковым. Не бить же его, в самом-то деле!

– Бить?!

– Кроме того, даже после взбучки он не успокоится, – не слушая ее, продолжал рассуждать Глеб, разгуливая по кабинету. – Слушай, а ты в него случайно не влюблена?

Он остановился и стремительно повернулся к Варе, словно хотел подглядеть выражение ее лица. Взгляд у него был цепким и слегка насмешливым.

– Я – в Ружейникова?! – У Вари от гнева даже перехватило горло.

– Но бывает же такое, – не сдавался Глеб, пожимая плечами. – Тебе кажется, что ты человека ненавидишь, а потом вдруг обнаруживаешь, что не можешь без него жить.

– Без Ружейникова я точно выживу, – отрезала Варя, взяв себя в руки.

– Ладно-ладно, не злись. А у тебя есть какой-нибудь план? По урегулированию ваших разногласий?

– Я решила купить электрошокер и бить его током, как только увижу.

– А вот у меня появилась дельная идея, – сообщил Глеб и сел на вертящийся стул, который заменял ему начальственное кресло. Покрутился туда-сюда, побарабанил пальцами по столу и задумчиво продолжил:

– Ружейников капельку подхалим, ты заметила?

– Ха.

– Старается угодить начальству, верно? Обычная человеческая слабость, всякому простительная. Однако любую слабость можно обратить в преимущество, если потребуется.

– Ладно, обращай, – разрешила Варя, снова возвращаясь мыслями к Владику. На ее лице отразилось страдание.

– Видишь ли, без твоей помощи тут не обойтись, – деловым тоном сообщил Глеб. – Придется тебе принять участие в осуществлении этого плана.

– Да? И в чем же состоит план? – Варя в сто первый раз вытерла нос мокрым платком.

– Сделаем вид, что у нас с тобой роман. – Глеб улыбнулся крокодильей улыбкой. – Как только Ружейников это поймет, он от тебя тут же отстанет. Девушка, которая нравится начальнику, – это священная корова.

– Фу, – сказала Варя и поморщилась. Всякая мысль о любви вызывала у нее сейчас отторжение.

– Что значит – фу?! – С младшего босса немедленно слетела невозмутимость. Глаза его опасно сверкнули. Столь жестким и даже злым он обычно становился в те моменты, когда в конторе что-то шло не так.

– В том смысле, что...

– Я нахожу отличный способ бескровно нейтрализовать твоего врага, – не дал ей вставить и слова Глеб, – а ты говоришь – фу! Это красивый ход. Поверь мне, я играю в шахматы и умею все просчитывать наперед.

– Хорошо-хорошо. – Варя даже испугалась его бурной негативной реакции. – Продолжай, пожалуйста.

Глеб бросил на нее еще один сердитый взгляд и немного оттаял.

– Я сделаю вид, что ухаживаю за тобой, – объяснил он. – А ты сделаешь вид, что тебе это нравится. Ружейников мгновенно заткнется, вот увидишь. Сечешь?

– Секу, – ответила Варя, решив, что уж лучше слушаться начальников беспрекословно, иначе жизнь осложнится еще больше. А у нее и так сейчас сложности. Вот только проблем на работе и не хватало.

Ей действительно надоела эта ежедневная подковерная вражда с Ружейниковым, когда надо быть во всеоружии и всякий раз ожидать или подножки, или подлого удара из-за угла.

– Так ты согласна?

– Глеб, мне неудобно. Ты ради меня пойдешь на такое...

– А что «такого» в том, чтобы за тобой поухаживать? Кроме того, я иду на это не ради тебя, а ради фирмы. Я обещал Ярославу утрясти проблему, и я ее утрясу – чего бы мне это ни стоило. Так что можешь не чувствовать себя виноватой.

– Ружейников сразу обо всем догадается, – предположила Варя, поджав губы и с сомнением покачивая головой. – До скандала ты на меня и не смотрел, а на следующий день вдруг знаки внимания начнешь оказывать. У этого типа аналитический ум и звериное чутье.

– Варвара, не преувеличивай. Он же не собака-следопыт. Ни о чем он не догадается. Вот увидишь, все будет просто отлично. Ваше противостояние не должно испортить каникулы всем остальным сотрудникам фирмы. Кроме того, Ярослав берет с собой жену. Диана была потрясена сегодняшним выступлением Ружейникова. Ей я тоже пообещал, что вы помиритесь. Короче говоря, с сегодняшнего дня мы демонстрируем взаимный интерес. Это приказ, ясно?

– Так у меня же нет выбора, – пробормотала Варя. – Хм, ну ладно. И как же ты будешь проявлять свой интерес?

– Сама увидишь, – сказал Глеб. – Только учти: я буду демонстрировать сдержанную мужскую симпатию. Здесь главное – не переборщить. Так что ты тоже не кидайся мне на шею с поцелуями и не признавайся Мусе в пламенном чувстве ко мне.

– Ты боишься Мусю! – усмехнулась Варя.

– Секретарей всегда следует опасаться: у них огромные скрытые возможности, о которых не догадывается ни один начальник. В общем, с завтрашнего дня начинаем. – Глеб отбросил ручку, которую вертел в руках, словно поставил точку в разговоре.

Ручка прогрохотала по столу и замерла на самом краю. Проследив за ней взглядом, Варя решила не возражать. Хотя в душе считала, что Глеб не сможет достоверно сыграть даже легкую влюбленность и Ружейников раскусит его с полплевка. Мужские хитрости похожи на морские узлы – они громоздки и очень, очень заметны. А, да ладно! Он уже все решил, ей осталось только согласиться.

– Кстати, постарайся сделать так, чтобы твой Владик не взревновал. У меня нет никакого желания выяснять с ним отношения. Если он полезет, я за себя не ручаюсь.

– Не волнуйся. – Варя вздернула подбородок, почувствовав себя кувшином, до краев наполненным слезами. Одно неверное движение, и слезы прольются через край. – Мы с ним расстались. Кстати, уже давно.

Никто, никто не должен догадаться, что она плакала из-за Владика и порвала с ним только сегодня. Пусть все думают, что это произошло сто лет назад и уже не имеет для нее никакого значения.

– Ты рассталась с Владиком? – не поверил Глеб.

Подавшись вперед, он навалился грудью на стол и вперил в несчастную подчиненную обалделый взгляд. Варя могла его понять: Владик среди сотрудников фирмы стал притчей во языцех. Что младший босс немедленно и подтвердил, воскликнув:

– После всех этих стояний под окнами и идиотских звонков во время совещаний? А как же тюльпаны, рассованные по всему зданию, бомбардировка твоего кабинета конфетами и шампанским? До сих пор не могу забыть, как этот козел радостно скакал возле своей машины, стоило тебе только появиться на пороге!

– Да, он очень романтичный, – по привычке защитила Владика Варя.

– Это называется романтичный? Ну-ну. – В голосе Глеба ясно слышался скептицизм.

– В проявлении чувств он умный и тонкий, – уперлась Варя.

Пусть она отвергла Владика, но перечеркивать то хорошее, что между ними было, не намерена! Впрочем, у младшего босса, кажется, имелись возражения.

– Умными и тонкими бывают только профессиональные ловеласы, – заявил он непререкаемым тоном. – По-настоящему влюбленный мужик неуклюж и похож на медведя, танцующего мазурку. Так что когда тебя снова начнут красиво обхаживать – будь начеку.

– Ладно, уговорил.

– Так, давай вернемся к нашему разговору. Ты согласна с моим планом?

– Согласна. Но... Сколько времени ты собираешься изображать... искренний интерес к моей персоне? И что будет потом? Ведь отношения обычно развиваются, а у нас с тобой...

– Мало ли, что будет потом. Не надо загадывать, там посмотрим. Ладно, считай, что мы ударили по рукам. Если что-то будет непонятно – звони, номер моего мобильного у тебя имеется.

Глеб снова перешел на деловой тон. Глаза его обратились к монитору компьютера, и Варя поняла, что разговор подошел к концу. Пробормотав слова прощания, она встала и вышла в коридор. Закрывая дверь, бросила испытующий взгляд на младшего босса. Тот явно переключился на другую задачу и думать забыл про свою «новую пассию». Варя тяжело вздохнула и побрела к своему кабинету.

Положа руку на сердце, ей было трудно представить себе Глеба Лаленко изображающим нежные чувства. Впрочем, в реальной жизни он ведь наверняка в кого-то влюблен. Он мощный не только с виду – у него сильный характер, а женщины таких мужчин обожают. Впрочем, рядом с ним чувствуешь себя несколько тревожно. Потому что никогда не знаешь, чего от него ждать. Но... Если отбросить его повадки и слегка бандитский вид, то он, безусловно, весьма симпатичный тип. Весьма.

Посмотрев на часы, Варя ахнула. Вряд ли ей удастся так скоро успокоиться, но привести себя в порядок она просто обязана. Отыскав в общественном холодильнике лед, она завернула его в салфетку и несколько минут прикладывала к лицу. Пудра и помада довершили дело.

Нырнув за руль, Варя первым делом посмотрелась в зеркальце. Какой лихорадочный румянец у нее на щеках! Только бы баронесса ничего не заметила... Снегопад продолжался, город словно ослеп и оглох. Конечно, впереди пробки, и с парковкой будут проблемы...

Она не отдавала себе отчета, в каком смятении находятся ее чувства, пока дважды едва не врезалась в автомобиль, ползущий впереди нее. Растерянная, взволнованная, смертельно обиженная на Владика, она тем не менее постоянно возвращалась мыслями к стычке с Ружейниковым. Прокручивала в голове недавний разговор с младшим боссом и искала в плане Глеба недостатки и достоинства. В ее душе царило смятение, а в голове была каша из прошлых отношений с Владиком и будущих – хотя и фальшивых – с Глебом Лаленко. Несколько раз на светофорах она проверяла неотвеченные телефонные звонки – Владик набирал ее номер шестнадцать раз подряд. «Рекорд побит! – с горечью подумала Варя. – Когда влюбился, звонил часто, но не с такой бешеной настойчивостью». Она была почти уверена, что ей удастся справиться с собой, и Элен Хупер ничего не заметит. Разумеется, она недооценила старушку.

– Милая моя, что случилось? – спросила баронесса, едва Варя шагнула ей навстречу. – С вами все в порядке?

– Все в полном и абсолютном порядке, – заверила девушка, чертыхнувшись про себя.

Пожилые леди столь проникательны, что иной раз чувствуешь себя в их присутствии голым и безоружным.

– Ну хорошо, – бросила баронесса. – Поговорим позже. Будь я истинной англичанкой, я бы ни за что не стала расспрашивать. Но я родилась в Венеции, выросла в Шанхае, объездила весь мир, а теперь вот постоянно бываю в России. Ваша страна поразительна. Никто не сдерживает своих эмоций! Это оказывает на меня странное влияние, знаете ли.

Варя усмехнулась. Россия на всех иностранцев оказывает странное влияние. Здесь их охватывают смутные чувства, ибо они сбиты с толку и не знают, чего ждать от окружающих. «А от наших сограждан ожидать можно чего угодно», – подумала Варя не без раздражения.

Баронессу приходилось постоянно защищать от мошенников, покушавшихся на ее деньги, от проходимцев всех мастей, от кусочничающих представителей госструктур и так далее и тому подобное. Варя с лету распознавала стервятников и отшивала их, едва они расправляли крылья. Уже через год после знакомства Элен Хупер шутила, что доверяет русской сопровождающей больше, чем своему английскому финансовому советнику. «Это вопрос менталитета, а не ума, – приговаривала она. – Понять русского может только русский. Ни у кого в мире нет такой буйной фантазии, как у ваших соотечественников, моя милая».

Варя была с ней совершенно согласна. Взять хотя бы сегодняшний план Глеба Лаленко. Кто бы мог подумать, что ему в голову придет фантазия прикинуться влюбленным! И все только для того, чтобы разрешить рабочий конфликт. Предложение младшего босса никак не шло у Вари из головы, и она в какой-то момент подумала даже, что стычка с Ружейниковым произошла очень вовремя: она отвлекла ее от душевных страданий.

Варя отвезла Элен Хупер на деловые переговоры в высокое матово-серое офисное здание с закругленной макушкой, похожее на камень под названием «чертов палец». Такие камни Варя в детстве собирала и складывала в коробку из-под папиных сигарет.

Во время переговоров она держалась вполне прилично – ничего не пропускала и профессионально выполняла свою работу. Правда, взгляд ее время от времени уплывал в сторону окна. Отсюда, с высоты, открывался сумасшедший вид на Москву, утонувшую в крепко взбитой пене снега. Тысячи машин с включенными фарами ползли по дорогам, словно гигантская сверкающая змея, свивающаяся кольцами.

Элен Хупер то и дело бросала на свою сопровождающую обеспокоенные взгляды. Заметив это, Варя полностью сосредоточилась на переводе. Однако после переговоров, когда они с баронессой спускались вниз на бесшумном лифте, она, сама того не заметив, погрузилась в свои мысли и очнулась лишь тогда, когда двери мягко раздвинулись.

– У вас совершенно точно какие-то проблемы, моя милая, – заявила баронесса. И непрекаемым тоном добавила: – Мы должны выпить с вами вместе чаю и поговорить. Может быть, с моего прошлого приезда в вашем городе открылась какая-нибудь чудесная чайная, где приятно поболтать и обменяться секретами?

– Есть одно местечко, – улыбнулась Варя. – Вообще-то это китайский ресторан, но чай там замечательный.

– Этого не может быть, – заявила баронесса, дернув маленьким круглым плечом. – Китайский чай бывает довольно милым, но замечательным – никогда. Только индийский или цейлонский. Но я все же ненастоящая англичанка, – напомнила она, слегка бравируя. – Я гражданка мира и могу получить удовольствие даже от заваренных чайных листьев, которые на несколько лет закапывали в землю.

Варя была рада, что Элен Хупер согласилась на ее предложение. Вообще-то ей нравился благородный костяной фарфор, позолоченные чайные ложечки, нежнейшие чизкейки и кексы на великолепных блюдах, но вся эта красота требовала соответствующего обращения и сосредоточенности, а сегодня Варя совсем не хотелось напрягаться. И она повезла-таки баронессу в китайский ресторан.

Они устроились на крохотных диванчиках, стоявших друг напротив друга, за столиком, накрытым темной шелковой скатертью.

– Вот теперь можно немножко посекретничать, – заявила Элен Хупер. – Я уверена, что вы грустите из-за мужчины. Хэнки-пэнки, да? Как это по-русски? Никак не могу запомнить, но звучит смешно.

– Шуры-муры, – подсказала Варя. И тут же удивилась: – Я что, выгляжу влюбленной?

– Ну... Любовь окрашена в разные цвета, – увильнула от ответа баронесса и сложила руки перед собой на столе. На ее указательном пальце сидело кольцо с синим камнем, похожим на выпученный глаз. Будто камень и сам удивлялся своим размерам и красоте.

В этот момент подошел официант и спросил, что дамы желают заказать.

– Я хочу выпить кофе, – призналась Варя и с виноватым видом сморщила нос.

– Это же ваши традиции, моя милая! – воскликнула баронесса, оправдывая ее выбор. Для себя она потребовала чай и желе из мякоти мандарина. – Съешьте тоже что-нибудь сладкое, это вас непременно утешит.

Варя послушно выбрала медовые шарики с кунжутом, хотя на самом деле сладкого ей совершенно не хотелось.

– Это обман, – шепотом заявила баронесса, глядя вслед удаляющемуся официанту. – Он никакой не китаец. Трудно даже понять, откуда он приехал!

Варя могла предположить, откуда он на самом деле приехал, но от комментариев решила воздержаться.

– Зато он говорит по-русски, – заметила она, любуясь красными фонариками, развешенными по залу.

Почему-то ей страстно захотелось рассказать баронессе о своей любви к Владiku и о только что состоявшемся разрыве, о своем прозрении, о смятении чувств... Вообще-то Варя была довольно сдержанной девушкой и не любила выворачиваться наизнанку, тем более – перед малознакомыми людьми. А уж перед клиентами! Но сегодняшний день оказался исключением – потрясение, которое она испытала, когда позвонил Владик, собственная храбрость, Глеб, который решил защитить ее самым удивительным способом...

Кроме того, ей нравилась баронесса. И не просто нравилась – Варя была от нее в восторге. Ей самой хотелось бы вот так держать свою жизнь в кулаке, чтобы все с первого взгляда понимали, какая ты сильная, умная, образованная и при этом очаровательная. В глубине души Варя понимала, что ей никогда этого не достичь. Диплом и выучка тут ни при чем. Вероятно, чего-то не хватает ее характеру. Смелости? Перчика? А может быть, уверенности в себе? Коллеги-мужчины настаивали, что лишь внушительный счет в банке – источник подобной уверенности, но Варя считала, что дело не только в деньгах. Это был внутренний огонь, и она сожалела, что не родилась такой же сильной.

– Признайтесь, вы влюблены в своего босса! – неожиданно заявила Элен Хупер. На ее лице был написан детский восторг. – В Ярослава. Я угадала?

– В Ярослава?! – переспросила Варя, расширив глаза. – Нет, да что вы!

– А что такого? – Баронесса тут же надулась. – Он невозможный красавец, высокий, молодой, глаза у него синие, как этот топаз. – Она постучала ногтем по своему кольцу. – Как можно было в него не влюбиться?

– Но он же мой начальник! – Варя возмущенно взъерошилась. – А начальник – это практически небожитель. Он идеален. На него наложено табу. Влюбиться в начальника – это все равно, что влюбиться в Эррола Флинна!

– Эррол Флинн умер в пятьдесят девятом году, – заметила баронесса.

– Вот именно. Это я и имею в виду! Бесперспективно, бессмысленно, безнадежно...

– Какая ерунда! – отрезала Элен Хупер, махнув ручкой. – Начальники созданы как раз для того, чтобы в них влюбляться.

Варя против воли вспомнила тот момент, когда пришла наниматься на работу. Ее роман с Владиком только начинался, но все равно, увидев Ярослава, она остолбенела. А когда он пожал ей руку, ее словно ударило током – так на нее подействовало его мужское обаяние. Он был совершенно неотразим.

– Да он на меня никогда и внимания-то не обращал! – вслух сказала она. – Кроме того, он женат на потрясающей женщине. Хотя, конечно, это не всегда имеет значение...

Варя внезапно поникла. Тяжесть разрыва с Владиком навалилась на нее. Она снова одинока и никому не принадлежит! Ее охватило чувство неприкаянности, отдельности от мира, в котором у каждого имеется своя пара...

– Вы любите кого-то? Неужели женатого мужчину? – догадалась баронесса.

– Уже не люблю, – горячо заверила Варя.

– Если у вас тяжело на душе, можете рассказать мне все без утайки, – заявила старая леди. – Я вас не выдам. Возраст позволяет мне не только дремать в гостях и проливать вино на колени тех, кто сидит рядом, но и бестрепетно выслушивать признания хорошеньких девушек. Черт побери, я могу дать вам дельный совет. В конце концов, я тоже была молода и знаю цену настоящим чувствам.

Подошел официант и расставил на столе принадлежности для чаепития. Другой официант принес теплые влажные салфетки. Оба пытались угодить в первую очередь баронессе и кружили вокруг нее, словно осы вокруг ломтика дыни.

Та подняла крышку чайничка и пошевелила ноздрями. Чай назывался «тарри сушонг» и обладал мужским ароматом: дыма и древесины. Элен Хупер, ясное дело, отлично разбиралась в сортах чая. Впрочем, создавалось впечатление, что она отлично разбирается во всем – в политике, астрономии, искусстве фотографии и тонкостях погружения в океанские впадины.

И Варя, как только ушли официанты, неожиданно выложила ей все – как она встретилась с Владиком, как влюбилась в него, как он обещал ей развестись с женой и чем в конце концов все закончилось. Рассказанная вслух, история неожиданно показалась ей самой такой обескураживающе банальной, что снова захотелось расплакаться.

Смотреть в полные сочувствия глаза баронессы было тяжело, и Варя отвела взгляд. Из окна открывался вид на бульвар. Сумерки цвета «тарри сушонг» окутывали заснеженные деревья.

– Я не знаю, что делать, – призналась девушка. Вид у нее был потерянным. – Я все время ошибаюсь в выборе! Мужчины оказываются совсем не такими, какими кажутся мне в самом начале. Не то чтобы я их идеализировала, нет. Просто с первого взгляда я не чувствую никакой фальши! Все принимаю за чистую монету... Жалко, что нет способа уберечься от ошибок.

– Вы неправы, такой способ есть! – азартно заявила баронесса. Взяла в руки тяжелый чайничек и подлила себе еще чаю. – Я знаю один секрет, который помогает человеку избегать провальных решений. Благодаря этому секрету можно жить без проигрышей и поражений.

– Так не бывает, – ответила Варя с печалью в голосе, будто бы это именно она прожила долгую жизнь и могла судить обо всем с полным знанием дела.

– Еще как бывает, – возразила Элен Хупер. – Посмотрите на меня. Разве я кажусь вам разочарованной? Уязвимой? Сожаляющей о чем-то?

– Нет, ничего подобного! А... А что это за секрет? Вы мне расскажете?

– Дело было в Шанхае, – заговорщическим тоном начала Элен Хупер. У нее было такое выражение лица, словно она собиралась раскрыть тайну фамильных сокровищ. – Мне было семнадцать лет, и я, как большинство молодых людей, переживала настоящий ад. Весь мир был не таким, как мне хотелось, и относился ко мне с предубеждением. Однажды я встретила старого мудрого человека. Вероятно, он пожалел меня и захотел помочь. Именно он открыл мне тайну. Эта тайна изменила мою жизнь.

– Действительно?

В Варином сердце внезапно вспыхнула надежда. А вдруг все это правда? И некая тайна действительно существует? Достаточно взглянуть на Элен Хупер, чтобы поверить в чудо.

– Это не имеет ничего общего с эликсиром молодости или бессмертием. Я так же, как и все, могу умереть от инфаркта. Секрет касается ежедневного выбора решений. Благодаря ему я всегда знаю, как правильно поступить. Совершив ошибку, я тотчас понимаю, что это именно ошибка, и исправляю ее. А это, согласитесь, немало.

Варя смотрела на Элен Хупер блестящими глазами. У нее возникло такое чувство, будто она смотрит кино и не может от него оторваться.

– Вы, конечно, никому не открываете свой секрет? – спросила она, отчаянно надеясь, что именно для нее баронесса сделает исключение.

– В сущности, это просто интересная теория. Но если в нее поверить, можно избавиться себя от сожалений и глупых переживаний, – продолжала Элен Хупер. – Вы согласны с тем, что у каждого человека в жизни есть своя дорога? С самого рождения мы идем по пути, предназначенному нам свыше.

Глупо было с этим не согласиться, и Варя кивнула.

– Так вот. Как только мы пытаемся свернуть с этого пути, с нами начинают случаться всякие неприятности. Судьба ставит на нашем пути красные флажки, показывая, что мы сошли с трассы. Это словно компас в руках, он не дает тебе совершить ошибку. Благодаря этому секрету ты всегда можешь узнать верное направление. Понять, правильно ты поступил или нет. И если что – вовремя все исправить!

– Интересная теория, – пробормотала Варя, глядя на баронессу во все глаза.

Нельзя сказать, что она была падкой на всякого рода сенсации или слепо верила предсказаниям, но теория Элен Хупер ее захватила. В ней была тайна, а тайны всегда очаровывают тех, у кого не все ладится.

– Теория не просто интересная, она замечательная, – непререкаемым тоном заявила баронесса.

– А как конкретно это работает?

– Однажды мне предложили заключить сделку, которая казалась невероятно выгодной.

Рассказчица понизила голос, незаметно оглядевшись по сторонам. При росте метр с кепкой Элен Хупер всегда заполняла пространство целиком. Когда она входила в помещение, публика мгновенно сосредотачивалась на ней, как на гипнотических руках фокусника. Ее невозможно было не принимать в расчет. Вероятно, сейчас она опасалась, что снова привлекла чье-то внимание.

– Деньги от сделки должны были пойти на благое дело, – продолжала она. – Но как только я села в машину, собираясь отправиться заключать контракт, началась страшная гроза. Ветер повалил деревья, они упали на дорогу, и мы надолго застряли в пробке. В конце концов я все же добралась до места. И обнаружила, что в небоскребе вышли из строя лифты.

– И что? – с нескрываемым интересом спросила Варя. – Это были знаки судьбы?

– Разумеется! Мне подавали сигналы о том, что я совершаю ошибку. Я все же заключила ту сделку, но потом сто раз об этом пожалела. С вами наверняка такое тоже случалось. Вы поступаете так или иначе и вдруг попадаете в полосу неудач. Неудачи следуют одна за другой. Вы неожиданно встречаете неприятных вам людей, теряете ключи и документы, ломаете запястья, ошпариваете пальцы и проваливаете тесты.

– И что же в таком случае делать?

– Вычислить событие, которое послужило началом неурядиц, и все переиграть!

– Так просто?

– Дорогая моя, но вы же не думаете, что Господь Бог, создав человека, бросил его на произвол судьбы? Не дал ни одной подсказки, как стать счастливым? Вытолкнул на автостраду, отобрав руль и заляпав грязью ветровое стекло?

– Вы пользуетесь этой теорией с семнадцати лет? – Варю обуревали сложные чувства. Смесь скепсиса и надежды, восторга и протеста.

– Об этом я вам и толкую. И посмотрите на меня! Если следовать теории флажков, жизнь становится по меньшей мере увлекательной.

– Честное слово, вы меня заинтриговали.

Варя лихорадочно восстанавливала в памяти цепочку событий, которые привели ее к разрыву с Владиком. Ей хотелось немедленно примерить теорию баронессы на себя, разобраться в совершенных ошибках, понять, не свернула ли она с дороги на узкую петляющую тропинку.

– Я не просто так вам все это рассказываю, – призналась между тем баронесса. – Я вижу, что вы запутались и несчастны. Вернее, вам кажется, что вы несчастны. Ведь вы так молоды! А в молодости всегда все преувеличиваешь.

– Когда чувствуешь себя несчастной, трудно поверить, что все пройдет, – пробормотала Варя и недоверчиво добавила: – По-вашему, выходит, что можно прожить жизнь без всяких потрясений?

– Без потрясений вряд ли, – усмехнулась баронесса. – Но без душевного разлада с самой собой – запросто. Поверьте мне, милая моя, жизнь – очень приятная штука. Если ты перестанешь преодолевать, не идешь против своей природы, все складывается идеально: находится место для парковки, поезд приходит вовремя, багаж в аэропорту первым появляется на транспортере, телефоны не разряжаются, дороги не заносит, и все важные встречи в твоей жизни происходят вовремя. И как только ты поймешь, что пульт управления находится в твоих руках, ты испытаешь настоящий восторг.

– Но ведь некоторые вещи от нас вообще не зависят!

– Фатум! – гневно воскликнула баронесса. – Ненавижу, когда мне говорят, что я ни на что не могу повлиять. Возможно, на Него и не могу, – она глазами указала на потолок. – Но на свой распорядок дня вполне! Советую вам перестать кукситься и взять все под контроль.

Варе не хотелось признаваться, что брать под контроль она умеет только неотложные дела. И родители, и сестра с детства звали ее нюней и укоряли в безволии. Она никогда ничего не могла решить в свою пользу. Карьера складывалась только потому, что у Вари оказался талант к языкам. И еще талант все преувеличивать. Если первое шло ей на пользу, то второе – всегда во вред. Когда она влюблялась, то делала это страстно, и ее жизнь сотрясалась до основания. Но в этой своей любовной горячке Варя никогда не могла за себя постоять и вечно страдала. Нателла признавалась, что ей сто раз хотелось убить младшую сестру. Она упорно наставляла ее на путь истинный, но пока что безрезультатно.

«А что, если воспользоваться теорией баронессы и попытаться кардинально изменить свою жизнь?» – подумала Варя с замиранием сердца.

Баронесса между тем продолжала давать ей советы, перейдя от глобальных теорий к маленьким женским хитростям. Задумавшись, Варя упустила тот момент, когда беседа свернула в житейское русло, и теперь постаралась как можно скорее включиться в разговор, чтобы не показаться невежливой.

– И никогда не покупайте одежду комплектами, моя дорогая, – говорила Элен Хупер, зорко наблюдая за тем, как официант убирает скомканные салфетки со стола. – Юбка не должна быть сшита из той же ткани, что и жакет.

– Но как же? – удивилась Варя. – Даже королева носит комплекты. А знаменитые костюмы Шанель?

– Это другое дело, – отмахнулась баронесса. – Королевский этикет не должен кружить вам голову. Вы живете в реальном мире. А костюмы от Шанель, могу поспорить, вы видели лишь на увядающих актрисах. Жизнь меняется, и это прекрасно.

– Значит, костюмы не подходят для свиданий, – Варя улыбнулась.

– Да, и брюки тоже не подходят. Выглядеть в брюках настоящей женщиной довольно проблематично. Нет, нет и нет – только юбка. Она, кстати, должна быть чуточку мятой, – продолжила свои рассуждения Элен Хупер, отхлебнув из чашки крошечный глоток чая.

– Почему юбка должна быть мятой? Хочется ведь на свидании выглядеть как можно лучше.

– Ну в этом-то и фокус! Нужна небрежность и еще раз небрежность. Следует быть элегантной, а не выглаженной и накрахмаленной, как медицинский халат. Если ты немного небрежна, мужчина интуитивно понимает, что не слишком важен для тебя. Это держит его в напряжении, заставляет быть особо внимательным.

Варя рассмеялась, подумав, что Элен Хупер, возможно, права. Но продемонстрировать легкую небрежность тоже надо уметь.

– И еще волосы, – продолжала неугомонная баронесса, предварительно скосив глаза вправо, а потом влево и проверив, не могут ли их услышать другие посетители ресторана. Мало ли – вдруг среди них окажутся как раз такие, которые промахнулись с прической. – Волосы не должны быть уложены слишком тщательно. Зафиксированная прическа – самый большой промах. Она просто вопит о часах, проведенных перед зеркалом. В общем, моя дорогая, во всем блеске женщина может являться только на бал.

Варя против воли хихикнула, порадовавшись в душе, что ее собственные русые кудри невозможно зафиксировать ничем, кроме лыжной шапочки. Ей нравилась баронесса, нравилось, что вместе с ней она попадала в так называемую «зону комфорта», которая создавалась вокруг этой женщины будто сама собой. Нравился ресторанчик со скользящими, словно тени, официантами, с веселыми фонариками, развешанными по залу. Нравился мягкий свет и чудесный кофе, поданный с крошечным рассыпчатым печеньем. В середине печенья алела капля джема.

Варя отхлебнула из своей чашки и зажмурилась от удовольствия. Хороший кофе в Москве – всегда неожиданность. Тебе могут принести первоклассный эспрессо в какой-нибудь богом забытой забегаловке, а в шикарном ресторане запросто напоить бурдой. Впрочем, с Элен Хупер всегда все получалось по высшему разряду. Жизнь любила ее. И не по той банальной причине, что баронесса сама любила жизнь. Просто судьба порой играет людьми просто так, без причины – изводя одних и балуя других.

– Ах, моя дорогая! Вы заставили меня вспомнить собственную молодость... Боже, как давно это было. Поверьте мне, в те времена мир разительно отличался от сегодняшнего!

Элен Хупер повернула голову и посмотрела в окно, словно еще раз желая убедиться воочию, как сильно все изменилось. На улице по-прежнему шел снег. В зыбкой белой пелене двигались угольно-темные силуэты прохожих. Ворча и роняя искры, проползали усаые троллейбусы, похожие на неведомых чудовищ.

– По-моему, все ваши горести оттого, что вы просто не разобрались в себе, – добавила баронесса, подзывая официанта взмахом руки. При виде снега на улице ей захотелось еще горячего чая. Дурная привычка, которую она приобрела в России – пить обжигающий чай.

– Да ведь это самое сложное – разобраться в себе самой, – вздохнула Варя. – А вдруг ошибешься? Соблазнишься пустяком и пропустишь что-то настоящее?

– Если вы имеете в виду любовь, то боитесь не напрасно. Настоящая любовь, увы, не похожа на поезд, который ходит по рельсам и придерживается расписания. Она может кошкой прокрасться мимо вас, а вы и не заметите.

Элен Хупер замолчала, дожидаясь, пока официант закончит свое священнодействие. Варя тоже стала ждать. У официанта было непроницаемое лицо и руки пианиста – он действовал ловко, но неторопливо, каждое закругленное движение имело маленький изящный «хвостик», похожий на росчерк пера.

– А как же ваша теория? – с жадным любопытством спросила Варя. – Вы ведь говорите, она помогает принимать правильные решения. Но выбор спутника на всю жизнь – это тоже решение!

Баронесса внимательно посмотрела на девушку. Варе почудилось, что в ее глубоких глазах проскользнула печаль.

– Сказать по правде, в этом вопросе я не эксперт. Мое сердце ни разу не было разбито, оно целенькое, словно хрустальная конфетница, которую держат в буфете под замком. Внутри, увы, нет ни одной конфетки – только пустые фантики.

Варя растерянно посмотрела на нее, и баронесса тотчас обратила все в шутку, ловко перескочив с личной темы на суровую русскую зиму:

– Никогда не понимала, зачем нужны шубы, пока не побывала в России. Первую свою шубу я привезла из Москвы пять лет назад. К сожалению, вместе с ней приехала моль. Она съела все, что смогла!

Элен Хупер рассмеялась, показав дивные фарфоровые зубки. Варе вдруг тоже стало удивительно весело. Это было какое-то бесшабашное веселье, оно искрилось предвкушением праздника, упоительным страхом перед будущим и восторгом обладания тайной, которая, если правильно ею распорядиться, сможет навсегда изменить Варину жизнь.

* * *

Варе казалось, что после длинного, насыщенного переживаниями дня она долго не сможет уснуть, будет думать о впавшем в телефонную горячку Владике, о баронессе с ее теорией красных флажков, о Глебе Лаленко, который обещал защитить ее от Ружейникова, о несостоявшейся поездке в дальние страны... Однако, едва коснувшись головой подушки, мгновенно провалилась в сон и всю ночь бродила по нездешним мирам, утопая в вязком тумане. Наутро ее пижама была влажной, а голова тяжелой, как спелый арбуз.

К жизни ее возвратила физическая нагрузка – пришлось самостоятельно откапывать дверь гаража, и к офису Варя приехала раскрасневшаяся, пышущая жаром и брызжущая энергией. Она уверенно зарулила на стоянку и поставила машину на закрепленное за ней место. А потом быстро выбралась наружу, окунув ноги в сыпучий сухой снег, захлопнула дверцу, повернулась, чтобы бежать к офису... И замерла на месте.

Возле входа, на низком крыльце, стоял Владик. Лицо у него было несчастное, шапка нелепо сбилась. В руках он держал букет алых роз, остекленевших на морозе. «Завянут сразу же, как только окажутся в тепле», – пронеслось в Вариной голове. Ей было жалко роз, да и вообще она не любила букеты, с самого начала жалея цветы, приговоренные к смерти.

– Варя! – Владик бросился к ней с таким надрывным обожанием, как будто она только что возвратилась на Землю после полета на Луну. – Варя, родная моя, подожди, не отталкивай меня!

– Как я могу тебя оттолкнуть, когда ты до меня еще не добежал? – сердито спросила та.

Она нахмурилась и мысленно ощупывала свое сердце, пока Владик балансировал на тонком льду, которым была облита асфальтовая дорожка. Дворник смел снег, но расколотить стеклянную корку не успел.

С сердцем все было в относительном порядке. За ночь оно наскоро срослось, скрепленное, словно клеем, Вариным негодованием. Устремляясь к ней, Владик жадно осматривал ее лицо, надеясь отыскать в нем знакомую зыбкость, податливость, а значит – и грядущее прощение. Однако сегодня все было иным, неузнаваемым. Знакомые черты поражали своей восхитительной завершенностью. Даже волосы, выбивающиеся из-под капюшона, завивались с какой-то решительной дерзостью. Их страшно было трогать, не говоря уже о том, чтобы зарыться в них носом.

– Ты не отвечаешь на мои звонки! – воскликнул Владик, неожиданно поняв, что примирение, которое он представлял себе бурным, ярким, красивым, может превратиться в отвратительную сцену.

– Не хочу слышать твой голос.

Не понимая, что произошло, почему все так изменилось, Владик попытался обнять Варю двумя руками, вместе с букетом. Но она оттолкнула его с неожиданной силой. Задубевший целлофан оцарапал ему щеку.

– Варь, ты что, с ума сошла? – спросил Владик ошарашенно и отступил на два шага, чтобы видеть ее всю, целиком. – Я же тебя люблю!

– Мне от твоей любви никакого счастья, – ответила Варя с горечью.

Больше всего на свете ей не хотелось устраивать сцен. Вчера, пока она еще верила в счастливый конец истории, хотелось страстно! Но как только стало ясно, что Владик навсегда останется чужим мужем, кураж пропал. «Разве так бывает? – испуганно думала Варя, глядя на неинтересного ей теперь и даже противного ее душе Владика. – Вот только что я плакала из-за него, пылала страстью, а потом вдруг – р-р-раз! – и перестала пылать». Она ощущала отчетливо – любовь отхлынула, словно волна. На берегу остались обломки кораблекрушения – никчемные, которые не хотелось спасать и в которых не хотелось копаться. Ничто не блеснет там золотом, не поманит к себе.

– Мы должны поговорить, – решительно заявил Владик и схватил Варю за запястье. – Отпросись с работы хотя бы на полчаса. Пойдем куда-нибудь посидим и все спокойно обсудим.

– Но я не хочу больше с тобой разговаривать, – сказала Варя и попыталась вырвать руку. Он не отпускал. – Я ведь предупреждала, что даю тебе последний шанс объясниться с женой. Ты не объяснился, вот и все.

– Да ты мне этих шансов давала тысячи! – со злостью выкрикнул Владик, почувствовав, что один только страдающий вид не поможет, и разозлившись из-за этого. – И вообще... Я все тебе растолкую, но не здесь же, не посреди дороги!

– Владик, мне неинтересно с тобой разговаривать, – ответила Варя, сверкнув глазами. Ее щеки еще больше покраснелись. – Да и о чем нам говорить?!

– О нашем будущем, – неуверенно ответил тот. – Я, кстати, собираюсь разводиться.

– Зачем?

– Чтобы быть с тобой!

Он думал, что она скажет что-нибудь вроде: «Поздно, дорогой мой». И тогда он получит возможность выговориться. Однако Варя сегодня явно не пылала чувствами, которые Владик про себя называл мелодраматическими. Даже оттенка их не было ни в ее голосе, ни в ее глазах.

– Да пошел ты к черту! – досадливо воскликнула она. – Надоел ты мне со своим вечным враньем. Я не пачка сигарет, чтобы доставать меня из кармана, когда тебе вздумается! Сказала же: любишь – поговори с женой. Не поговоришь – я тебя брошу. Ты решил, что я, как обычно, все спущу на тормозах? И вместо того, чтобы пообщаться с женой, отправился общаться с прорабом? Вот ему и подари свои розы! Надеюсь, он оценит.

– Я клянусь тебе, что разведусь! – с напором воскликнул Владик, не давая ей пройти.

Варя попыталась обогнуть его, но он растопырил руки, как пугало, защищающее грядки с морковкой.

– Владик, отвали по-хорошему! Иначе тебе будет больно!

Вместо того чтобы внять предостережениям, он полез с поцелуями, притиснув Варину голову к себе обеими руками. Букет, словно алый стяг, взметнулся над ними. Варя отбивалась и мычала, но выскользнуть ей не удавалось. Пока они боролись, хлопнула дверь офиса, шаркнуло по льду, и в ту же секунду неведомая сила налетела на Владика, оторвала его от Вари и швырнула в сторону. Он полетел спиной назад, попытался сгруппироваться и разбил губу. Увидел на своих руках кровь и завыл от ужаса. Ползая на коленях среди раздавленных роз, он пытался встать, ранил ладони о шипы и оглядывался на человека, который стоял рядом, опасно свесив руки вдоль туловища.

– Глеб! – воскликнула Варя, бросаясь к младшему боссу, который пришел ей на помощь. – Господи, как ты вовремя появился!

– Как думаешь, добить придурка? – спросил тот, посмотрев на Варю ярким холодным взглядом. – Чтобы навсегда отстал?

– Ему достаточно, – заверила девушка, глядя на кувыркающегося в снегу Владика безо всякой жалости. – Пойдем скорее в контору, а то ты замерзнешь.

Глеб выскочил на улицу в одном свитере. На его бритой голове блестели солнечные зайчики. Он дышал паром, а на его внушительных кулаках от холода побелели косточки.

– Ах, у тебя новый роман?! – завопил Владик, поднявшись, наконец, на ноги и подступая к Варе. От страха и бешенства он вдруг перестал соображать здраво. – Вон оно что! Тогда не надо делать вид, что мы такая вся фифа-дрыфа!

– Да катись ты!

– Стерва! – Владик махнул рукой и неожиданно ледяными пальцами ткнул Вару в лицо.

В тот же миг разящий удар обрушился на его запястье. Он взвыл, отпрыгнул и, баюкая покалеченную руку, побежал к машине, скуля и оглядываясь. По дороге он голосил и осыпал любимую девушку бранными словами. Изумленная и растерянная Варя затряслась. Вид поверженного, окровавленного Владика казался ей дикостью, чем-то из ряда вон выходящим. Глеб обнял ее и властно прижал к себе. От его свитера пахло терпкой туалетной водой. Вару почему-то не понравился этот запах, и она стала дышать ртом. Интересно, он сам выбирал эту туалетную воду или ему кто-то ее подарил? Черт побери, какие глупости лезут в голову! Ее только что спасли, может быть, от увечья, а она думает о парфюме своего спасителя.

Тем временем Глеб повел Варю к крыльцу.

– Ты же говорила, вы с Владиком давно расстались, – укоризненно заметил он.

– Я с ним рассталась. А он... Смотри, что вытворяет!

Сзади взревел мотор, завизжали шины. Владик уезжал, чтобы больше никогда не возвращаться. В тот же миг дверь офиса распахнулась, и на пороге появился Ружейников. Варя увидела его вытаращенные от изумления глаза. Но изумление очень быстро сменилось презрением. И направлено это презрение было на нее. «Черт побери, за что он меня так ненавидит?! – подумала она, сердясь и пугаясь. – Я же не порчу ему карьеру, не подсигаиваю его, в чем же тогда дело?!»

Ружейников придержал для них дверь и пропустил внутрь. Варя была уверена, что он обязательно что-нибудь скажет в своем обычном духе. Но он только спросил:

– Вы что, подрались?

– На Варю напали, – ответил Глеб ровным тоном. – Я вышел, чтобы прогнать хулигана.

Он держал ее за талию, и Вару это было приятно. Впервые она почувствовала себя настоящим защищенной. Физическая близость Глеба была тому причиной. Одно дело, когда мужчина говорит, что тебе нечего бояться, и совсем другое – когда он закрывает тебя своим телом. Совсем, совсем другое дело.

Глеб провел ее по коридору, словно раненого бойца, и сгрузил в рабочее кресло, всполюшив Макса Юргунова.

– Поухаживай за ней, – велел младший босс, достав из кармана брюк надрывающийся телефон, на который прежде демонстративно не обращал внимания. – У меня срочные дела. – И уже выходя в коридор, добавил: – Ты за нее отвечаешь передо мной лично!

Ружейников, слонявшийся поблизости, наверняка слышал эти слова. Вероятно, они и сказаны были специально для него. «Как все интересно сложилось, – думала Варя, позволив раскудахтавшемуся Максиму снять с себя куртку и шарф. – Мне нужно было избавиться от Владика, а Глеб собирался дать понять всем, что я ему небезразлична. И вот приезжает Владик и закатывает сцену, а Глеб как раз оказывается поблизости и при всех за меня вступается. Если теория баронессы верна, все складывается лучше некуда».

Очнувшись от дум, она увидела перед собой черную макушку Макса и удивленно спросила:

– Что ты там делаешь?

– Вытираю тебе сапоги, – ответил тот, сопя. – На них кровь!

– Это не моя кровь, – успокоила его Варя.

– Ты кого-то била ногами?

– Бывшего поклонника.

Макс быстро поднялся и посмотрел на нее сверху с убийственной серьезностью.

– Варь, скажи, тебе хочется замуж? – Грязную салфетку он комкал в руках, явно отчаянно волнуясь.

– Абстрактно – нет, – ответила она, раскрыв перед собой ладони и с удивлением наблюдая за тем, как дрожат пальцы. – Когда полюблю по-настоящему, обязательно захочу. А что? – не удержалась и спросила она, подняв глаза.

У Макса был всклокоченный вид.

– Я просто пытаюсь разобраться в женской логике. Когда женщина понимает, что пора пришла?

– Ну... Знаешь, Макс, умные женщины выходят замуж, когда наступает время, а недалежные – когда поджигает возраст. Одни могут ждать своего суженого всю жизнь, другие назначают дату свадьбы, еще не познакомившись с женихом. Кроме того, многое зависит от мотива. Тебя интересует какая-то конкретная женщина?

– Да! То есть – нет.

– Надеюсь, это не я, – пробормотала Варя.

– Что я, дурак? – проворчал Макс. – Если я предложу тебе руку и сердце, меня убьет руководство.

Он выразительно посмотрел на дверь. «Ого! – подумала Варя. – Значит, Глеб был весьма убедителен».

– Впрочем, если бы ты в меня влюбилась...

– И не надейся.

Варя хотела достать пудреницу и вдруг обнаружила, что забыла сумочку в машине. «Все идет, как надо! – с ликованием подумала она снова. – Если бы сумочка была у меня в руках, я бы точно уронила ее во время стычки, а там замок такой слабый... Мелочи рассыпались бы по снегу, паспорт пропал... Ах, какая баронесса молодец! Спасибо ей за ее теорию!»

Варя так и не нашла, во что посмотреться, поэтому решила пойти в туалет к большому зеркалу. Но тут дверь кабинета внезапно широко распахнулась и с грохотом стукнулась о стену. А в комнату ворвался Карпухин. У него был жестокий взгляд снайпера, обнаружившего мишень. Синий и холодный взгляд. Мгновение – и он воткнулся в Варю, как точно брошенный нож.

– Варвара Тучина! – прогремел Ярослав, подступая к столу.

Варя медленно встала, чувствуя, что коленки у нее трясутся от страха. Вернее, от волнения. Босса она никогда по-настоящему не боялась.

– Что я сделала? – спросила она, лихорадочно перебирая в уме задания и поручения.

– Тебе что, разбили нос?!

Варя поспешно схватилась на нос обеими руками, не понимая, в чем дело. Нос был сухой.

– Я прихожу на работу и вижу, что вся подъездная дорожка в крови! А слева и справа валяются твои перчатки!

Он сунул ей в лицо пару ничем не примечательных черных перчаток, к которым прилипли льдинки. Перчатки напоминали мокрых кошек и пахли примерно так же.

– Откуда ты знаешь, что это мои перчатки? – изумилась Варя, мгновенно перестав трястись.

Ей стало жарко и отчего-то весело. Вероятнее всего, на нее так подействовало мужское внимание. Редко она оказывалась в самом его центре.

– Потому что я твой босс, – немного успокоившись, ответил Ярослав. – А босс – это почти что бог. От его ока ничто не скроется. Ты, Варвара, самый уязвимый член нашего коллектива. И когда я вижу следы катастрофы, я первым делом думаю о тебе.

– Вот спасибо, – пробормотала она.

– Я решил, будто на подступах к офису ты вступила в схватку с Ружейниковым. Этот дурак встретился мне в коридоре и не смог толком ничего объяснить. Каюсь – я немного погорячился.

Каким образом босс погорячился, выяснилось через несколько минут после того, как он, ворча, отправился к себе. Вот тут-то в кабинет вошла Лариса Руденко и, потирая руки, сообщила, что Карпухин засветил Ружейникову в глаз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.